

Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ

Доцент, Школа философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: agloukhov@hse.ru.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер; Адольф Гитлер; нацизм; философия; трагедия; тирания; собственное; самопознание.

Публикации последних 15 лет, включая дневниковые записи «Черные тетради», лекции и семинары 1933–1935 годов и письма к брату, заставляют пересмотреть отношение к «делу Хайдеггера». Прояснилось значение «политического» для философии Хайдеггера, его место в интеллектуальном авангарде национал-социалистического движения, наконец, содержание его собственного «признания» в исторической ошибке. Остающиеся недоразумения связаны с тем, что восприятие политической реальности, типичное для современных исследователей и защитников Хайдеггера, радикально отличается от стиля мышления, характерного для той эпохи. Привычную нам статическую трактовку событий, фокусирующуюся на формальных моментах, идеологических или институциональных, относящихся к сфере нормальной политики, следует отличать от динамической трактовки, связанной с понятием «политического».

Интерес к наследию Хайдеггера объясняется тем, что он предоставляет в распоряжение читателя логику «собственной речи», открывающей путь к самопознанию. Цена, которую платит читатель за этот дар, состоит в невозможности различения между собственной речью и речью Хайдеггера. Сходную ошибку совершает сам Хайдеггер, когда пренебрегает необходимостью различения собственной речи и речи фюрера. Концептуальное приравнение Хайдеггера и Гитлера служит предупреждением об опасности того спасительного в деле самопознания, которое дается хайдеггеровской речью. Формула «Хайдеггер равно Гитлер» не сводится к риторической уловке *reductio ad Hitlerum*. Дальнейшее прояснение отношений мысли и тирании требует возвращения к классической политической философии с ее различением своей речи и общей речи, к трагическому взгляду на истину, связанному с событием перипетии, переворачивающим бинарные оппозиции.

ОСЛЕ десятилетий мучительных колебаний в «деле Хайдеггера» наступила «новая ясность». Из чего она складывается?

Во-первых, были опубликованы первые «Черные тетради», личные дневники Хайдеггера¹. Там говорится, например, следующее: «Когда сущностно „еврейское“ в метафизическом смысле сражается с еврейским, в истории наступает кульминация самоуничтожения»². Показательна уже дата этой записи: лето 1942 года. Будь она сделана в другое время, можно было бы ограничиться разговорами о «метафизическом антисемитизме» Хайдеггера, ведь сегодня эта именно формула стала последним рубежом обороны для апологетов немецкого философа. Но не существует менее метафизического и более конкретного периода в истории. В июле 1942 года талантливый менеджер Адольф Эйхман запускает маховик фабрики смерти на полную мощность, и в то же самое время Хайдеггер называет холокост *само-уничтожением*, в котором «еврейство» (в кавычках) сражается с еврейством (без кавычек). Скандал не просто в антисемитизме или в неудачном выборе исторического момента. Это высказывание — одно из самых пошлых в анналах мировой философии. Массу сведений о том, что евреи убивали себя с целью мирового господства, можно приобрести бесплатно в первой же подворотне. Процитированная фраза — образец уличной пошлости, слово, снятое с уст толпы, высказывание *das Man*. Философский скандал заключается в том, что слова толпы повторяет в дневнике философ, принимая уличную пошлость за прозрение *своей* мысли.

1. Heidegger M. Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938) // Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2014 . Bd. 94; *Idem*. Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938–1939) // Gesamtausgabe. Bd. 95; *Idem*. Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941) // Gesamtausgabe. Bd. 96; *Idem*. Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948) // Gesamtausgabe. Bd. 97; Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2016; *Он же*. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.
2. Heidegger M. Anmerkungen I–V. S. 20.

Во-вторых, задолго до громкой публикации «Черных тетрадей» в хайдеггероведении начала происходить тихая архивная революция. В 2001 году был издан лекционный курс 1933/34 года «О существовании истины»³. После этой публикации стало невозможно вести речь о том, что Хайдеггер ввязался в нацистскую политику против своей воли, пришел в нее на поводу у других. Курс «О существовании истины» — потрясающее свидетельство образа мысли Хайдеггера-вождя-ректора-*ойкиста*, основателя новой политической реальности, который, полностью сознавая открывающиеся исключительные возможности, продумывает ни много ни мало — судьбу Запада на ближайшую тысячу лет. Среди материалов курса, формально посвященных толкованию символа пещеры из «Государства» Платона, содержится уникальный документ — речь, произнесенная в лекционной аудитории перед началом очередного занятия 30 января 1934 года, в первую годовщину прихода нацистов к власти⁴. Хайдеггер мыслит себя в авангарде, радикальным революционером. Он явно не нуждается в медвежьих услугах своих апологетов, которые хотят выставить философа пассивным свидетелем истории или пешкой на фоне грандиозных событий. В юбилейной речи он сравнивает быстрые политические перемены с коллективным побегом узников из платоновской пещеры и обрушивается с критикой на тех, кто мешает революционным преобразованиям. После этого он спокойно переходит к очередному пункту 28-го параграфа своих платоновских лекций. В этот период для него не существовало никакого разрыва между политической и философской работой. Именно по причине своего чрезмерного радикализма, опережающего ход событий, а отнюдь не вследствие неприятия национал-социалистической революции он подает в отставку с поста ректора всего через два месяца после произнесения этой своей ректорской речи, гораздо менее известной, но и гораздо более откровенной, чем его первая ректорская речь 1933 года.

Сдвоенный том (36/37) собрания сочинений, в котором опубликован этот курс, стал первым проблеском новой ясности в «деле Хайдеггера». «Черные тетради» стали финальной лептой. Но в промежутке между этими вехами в хайдеггероведении разыгралась целая архивная интрига, завершившаяся публикацией двух других важнейших источников — авторизованных запи-

3. *Idem.* Sein und Wahrheit / 1. Die Grundfrage der Philosophie (Sommersemester 1933), 2. Vom Wesen der Wahrheit (Wintersemester 1933/34) // Gesamtausgabe. Bd. 36/37.

4. *Ibid.* S. 209–213.

сей двух семинаров 1933–1935 годов. Записи семинара «О сущности и понятии природы, истории и государства» (зимний семестр 1933/34 года) были опубликованы в 2010 году «в обход» собрания сочинений — в «Хайдеггеровском ежегоднике»⁵. Записи семинара по «Философии права» Гегеля (1934) были опубликованы в 2011 году в 86-м томе собрания сочинений⁶. Имеет смысл привести несколько цитат, чтобы показать ценность этого материала для прояснения «дела Хайдеггера».

Курс «О сущности и понятии природы, истории и государства» свидетельствует об интенсивной увлеченности Хайдеггера политикой. Здесь встречаются недвусмысленные высказывания о важности политики для философии, которых до сих пор весьма не хватало в обсуждениях:

Бытие человека политическое... Мы полагаем первостепенной задачей нашего времени... назначить политике свойственный ей ранг, научиться вновь видеть ее как основной характер человека, философствующего в истории, и как бытие, в котором государство раскрывает себя таким образом, что его подлинно можно назвать способом бытия народа⁷.

Курс по «Философии права» Гегеля заслуживает особого внимания по двум причинам. Во-первых, это хайдеггеровская реакция на важнейшее сочинение рассматриваемой эпохи — «Понятие политического» Карла Шмитта⁸. Хайдеггер предлагает свое, несомненно родственное, но более философское видение политического бытия. Среди материалов курса имеется раздел, озаглавленный «Основные идеи учения о государстве»⁹. Речь в нем идет не о гегелевской, а о хайдеггеровской теории «будущего государства», в которой такие понятия, как «забота» (*Sorge*) и «политическое», логически связываются с реалиями нацистской эры, например с «принципом вождя». После этой публикации у нас появился однозначный ответ на все сомнения относительно того, была ли у Хайдеггера своя политическая философия: да, несомненно была; пожалуйста, загляните в 86-й том собрания сочинений. Во-вторых, политическое учение Хайдеггера оказывается отнюдь не абстракт-

5. Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I / A. Denker, H. Zaborowski (Hg.). Freiburg, München: Karl Alber, 2010.

6. Heidegger M. Seminare: Hegel — Schelling / P. Trawny (Hg.) // Gesamtausgabe. Bd. 86.

7. Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I. S. 71.

8. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.

9. Heidegger M. Seminare: Hegel — Schelling. S. 159.

ным и «метафизическим». Отдельный раздел семинара по «Философии права» посвящен толкованию конкретных законов, принятых после прихода нацистов к власти и образующих правовое основание нового строя: закон о преодолении бедственного положения народа и государства от 24 марта 1933 года (печально знаменитый «Закон о чрезвычайных полномочиях», *Ermächtigungsgesetz*), закон о реставрации немецкого служилого сословия от 7 апреля 1933 года и закон об обеспечении единства партии и государства от 1 декабря 1933 года. Интерес Хайдеггера к юридическому обеспечению политических реалий в рамках семинара 1934/35 года вполне согласуется с имеющимися у нас сведениями о его участии в работе Академии немецкого права¹⁰. Среди руководителей академии был Карл Шмитт, а одним из наиболее одиозных продуктов ее юридического творчества стали Нюрнбергские расовые законы 1935 года. Резонно предположить, что Хайдеггер рассчитывал внести свою лепту в составление законов нацистского государства.

Наконец, уже после выхода в русском переводе первых томов «Черных тетрадей» впервые появились в широком доступе фрагменты из переписки Мартина Хайдеггера с его братом Фрицем. Значимость этой переписки еще предстоит оценить. По своему философскому содержанию она наверняка уступает таким ключевым документам эпистолярного наследия Хайдеггера, как его переписка с Карлом Ясперсом или с Ханной Арендт. Но уже сейчас можно констатировать, что эта публикация вносит важное прояснение в фактологию «дела Хайдеггера». В переписке с Фрицем именно Мартин предстает в образе политического пропагандиста, увлеченного перипетиями актуальной политики, отзывающегося с восторгом о «необыкновенном политическом инстинкте» Гитлера и дарящего брату в конце 1931 года самый уместный рождественский подарок — экземпляр «Майн кампф»¹¹. Уверенное самообладание Мартина Хайдеггера накануне прихода нацистов к власти полезно сравнить, например, с растерянностью и отчаянием Карла Шмитта по поводу победы Гитлера на выборах 1933 года¹². Очень скоро в один день, 1 мая 1933 года, Шмитт и Хайдеггер официально примкнул к национал-социалистическому движению. Но если поступок Шмитта придется признать типичным приспо-

10. Faye E. Heidegger — l'introduction du nazisme dans la philosophie. P.: Albin Michel, 2005. P. 278.

11. См. в: Heidegger und der Antisemitismus. Positionen im Widerstreit / W. Homolka, A. Heidegger (Hg.). Freiburg: Herder, 2016. S. 21–22.

12. Bendersky J. Schmitt's Diaries // The Oxford Handbook of Carl Schmitt / J. Meierhenrich, O. Simons (eds). Corby: Oxford University Press, 2017. P. 132.

собленчеством, то для Хайдеггера вступление в партию — факт гораздо более осмысленный и последовательный, не сводимый к чисто карьерным соображениям. Переписка с братом показывает, что вступление в партию стало для Хайдеггера закономерным развитием его политической траектории. Момент серьезного увлечения Хайдеггера Гитлером, таким образом, твердо датируется не позднее 1931 года. Нацистская партия в тот период пользовалась поддержкой менее чем одной пятой немецкого населения. Нужно было питать особенный интерес к актуальной политике, чтобы заинтересоваться этим маргинальным движением.

Таковы главные материальные предпосылки переворота в «деле Хайдеггера», произошедшего за последние 15 лет. Следует учитывать, что эти обстоятельства не были известны ранее. Так получилось главным образом по вине наследников Хайдеггера, которые владеют правами на издание его сочинений и, вероятно, из коммерческих соображений максимально оттягивают появление полной картины. Сегодня приходится признать устаревшими с точки зрения фактологии многие влиятельные и крайне важные трактовки «дела Хайдеггера», например известную статью Владимира Бибихина с таким названием, которая открывает том его переводов «Время и бытие» (1993)¹³. Один пассаж в этой статье сохраняется почти в неизменном виде, начиная с более ранней редакции 1989 года:

Дважды, в 1930 и 1933 годах, Хайдеггера приглашали в Берлинский университет; в мае 1933 года он был избран ректором своего Фрайбургского университета, он смог обращаться к стране от имени знания и попытался найти для этого слова. Почти сразу же он осекся. В стране все решала партия, собиравшаяся не слушать ученых, а учить их. Уже в конце февраля 1934 года, то есть до смерти Гинденбурга и за полгода до захвата Гитлером всей полноты власти, Хайдеггер сложил с себя ректорство. Идеологи активизма тоже быстро опознали в мыслителе непопутчика¹⁴.

В этом описании Хайдеггер предстает жертвой необоримых обстоятельств, неудачливым исполнителем роли попутчика. Как стало известно сегодня, расклад был прямо противоположным: это не Хайдеггер отставал от революции, но, напротив, проис-

13. Бибихин В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

14. У Бибихина встречается (вероятно, случайная) фактическая неточность: Хайдеггер ушел с поста ректора не в феврале, а в апреле 1934 года. Цит. по: Бибихин В. Хайдеггер // Знание — сила. 1989. № 10. С. 60–68. URL: <http://www.bibikhin.ru/haydegger>.

ходившие в обществе и в университете перемены были недостаточно революционными для Хайдеггера. Бибихин надеялся показать, что нацистское движение отринуло немецкого философа за пассивность, однако теперь стало ясно, что причиной отставки стал его чрезмерный радикализм. Невозможно упрекать Бибихина в незнании фактов — для этого имеются объективные оправдания. Но мне чрезвычайно интересно, какое влияние приток новых фактов оказал бы на его интерпретацию «дела Хайдеггера». Имелась ли философская готовность к трагической ясности того, что Хайдеггер был убежденным сторонником национал-социалистической революции, причем не менее, а более радикальным, чем основная масса партийцев?

Содержательно «новая ясность» сводится к следующим моментам.

Ясно, что Хайдеггер был передовым мыслителем национал-социалистической революции в Германии. Эта квалификация соответствует не столько академической должности, которую он занимал недолгое время, сколько его пониманию своего места в истории.

Ясно, что хайдеггеровское мышление было политическим, причем не поверхностно, а сущностно. Здесь серьезную путаницу вносит недостаточная образованность в сфере политической философии, которой страдают узкие специалисты-хайдеггероведы, по старинке убежденные в том, что философия и политика относятся к разным предметным областям¹⁵. Сам Хайдеггер различает как по смыслу, так и в большинстве случаев на письме, посредством кавычек либо прямых указаний, два значения политического¹⁶. С одной стороны, существуют «политика», «государство»,

15. Так, Теодор Кизель совершает ошибку, когда утверждает, что отношение Хайдеггера к политике поменялось между 1934 и 1942 годами, приводя в доказательство цитату из курса «Истер» 1942 года, в котором «политическое» называется второстепенным по сравнению с бытийным-политическим существованием человека. Ирония заключается в том, что в материалах семинара 1933/34 года процитированный Кизелем фрагмент появляется почти в том же виде, но восемью годами ранее. Напротив, Хайдеггер демонстрирует удивительную последовательность в различении «вульгарного» и «подлинного-бытийного» понимания политического, документально засвидетельствованную такими ключевыми вехами, как «Бытие и время» (1927), семинарские курсы 1933–1935 годов, лекционный курс «Истер» 1942 года (*Heidegger M. Nature, History, State: 1933–1934. L.: A&C Black, 2013. P. 127*).
16. Хайдеггеровские кавычки — это прямая речь, субъектом которой является *das Man*, «люди». Когда люди говорят в текстах Хайдеггера, он заключа-

«политическое» в кавычках — «вульгарные понятия». С другой стороны, о политике, государстве и политическом можно и нужно говорить в «подлинном смысле» (*im echten Sinne*)¹⁷. Подлинная речь о политике восходит не к обычной «политике», а к тому обстоятельству, что бытие человека — политическое в своей основе. В различении двух пониманий политики Хайдеггер солидаризуется с Карлом Шмиттом, отличавшим обычную «политику» от своего видения политического. Однако проблема не в том, что у Хайдеггера и Шмитта было какое-то редкое понимание политической реальности. Проблема для неподготовленного исследователя заключается в том, что приходится вообще отказаться от использования «нормального» языка обычной «политики» при рассмотрении реалий той эпохи. Ведь такое же экстраординарное понимание политического бытия было свойственно всем ангажированным участникам тогдашних исторических событий, включая Ханну Арендт, включая радикальных марксистов, включая вождей национал-социалистической революции в Германии. Все они говорили на одном языке, не имеющем никакого отношения к статической политике современного типа. Понятие «движения» стало именем эпохи, и Хайдеггер не случайно в этот период внимательно перечитывает главу о движении из Аристотеля¹⁸. Проблема возникает, когда мы пытаемся судить об образе мысли и действий этих людей, полагаясь на более или менее нормализованный язык современной политики с ее четким различением правого и левого флангов политического спектра, приватной жизни и политической активности, индивидуального выбора и воли вождя. С современной точки зрения легко провести черту между нацистской идеологией и приватным нацизмом фрайбургского профессора и, обнаружив несовпадения, сделать поспешный вывод, что Хайдеггер был чуть ли не противником нацизма. Однако идеология как жесткий набор принципов, которыми нельзя поступаться, была востребована лишь для работы с широкими массами. Ни Гитлер, ни Хайдеггер никогда не считали себя обязанными придерживаться общих с массами правил игры. Этот нетривиальный парадокс требуется осмыслить, прежде чем судить о том, что значило

ет их речь в кавычки. Так, единственный раз слово «политика» в кавычках упоминается на странице 16 «Бытия и времени». Одного этого случая в тексте достаточно для признания политического значения главного текста Хайдеггера.

17. Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I.

18. Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις. Аристотель «Физика» β-1. М.: Медиум, 1995.

«политическое» в эту эпоху. Он представляет собой одно из главных открытий, сделанных Ханной Арендт в «Истоках тоталитаризма»: суть тоталитарного движения лучше всего показывает его креативная динамика, а вовсе не статичная идеология¹⁹. Идеологическое содержание в конечном счете не имеет никакого значения, поскольку суверенность лидера, которого Арендт сравнивает с «мотором», как раз и заключается в том, чтобы, не связывая себя общими принципами, постоянно революционизировать норму²⁰. В этом смысле хайдеггеровская критика примитивного биологизма несколько не делает его меньшим нацистом, чем Гитлера, который все время произвольно переопределял понимание того, кто же будет главным бенефициаром режима: сначала это были якобы простые немцы, затем — «сообщество народа», затем — мифические «арийцы», причем первыми арийцами должны были стать члены элитных нацистских подразделений, но в конечном счете понятно, что фюрера заботило лишь собственное благо²¹. Отказ от биологической версии нацизма несколько не делает Хайдеггера либеральным или аполитичным мыслителем, ведь, согласно его суждению, биологический нацизм *ничем* не отличается от либерализма и марксизма²². Пониманию этого парадоксального стиля политического мышления, который не способны освоить многие современные защитники Хайдеггера, помогает хайдеггеровская философская терминология. Идеология — это лишь мертвая, онтическая скорлупа политической и философской реальности, независимо от которой суверенно правит истина-тайна. Памятная хайдеггеровская фраза из курса «Введение в метафизику» 1935 года о «внутренней истине» национал-социализма²³ — это не столько попытка держать дистанцию по отношению к пошлой идеологии, сколько претензия на право вождя устанавливать суть подлинного нацизма. Хайдеггер мыслил себя фюреро-равным, а значит, совершенно свободным от вульгарной идеологии.

Для иллюстрации того, насколько отличается этот стиль мышления от привычного, уместно вспомнить случай из биографии немецко-еврейского кинорежиссера Фрица Ланга, о котором он сам рассказывает в известном видеоинтервью 1974 года. В фильме «Завещание доктора Мабузе» (1932) Ланг создал пародию на Гит-

19. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 476.

20. Там же. С. 490.

21. Там же. С. 475–476.

22. Heidegger M. Sein und Wahrheit. S. 210–211.

23. *Idem*. Einführung in die Metaphysik (Sommersemester 1935) // Gesamtausgabe. Bd. 40.

лера, изобразив фюрера в образе главы преступного мира. Вопреки ожиданиям, после просмотра фильма Гитлер сделал вывод, что именно Ланг лучше всего подходит на роль главного режиссера национал-социализма. Когда в марте 1933 года Геббельс предложил Лангу стать фюрером от кино, режиссер посчитал необходимым упомянуть о своем не вполне арийском происхождении. На что последовал парадоксальный ответ нациста: «Это мы решаем, кто здесь ариец». Ответ гитлеровского министра культуры подрывает базовые принципы нацистской идеологии, но на самом деле он идеально согласуется со знаменитой формулой из «Политической теологии» Карла Шмитта: «Суверен — это тот, кто решает об исключении»²⁴. Суверенная политика, в которую играли как нацисты, так и Хайдеггер со Шмиттом, не имела ничего общего с рабской приверженностью известным идеологическим принципам.

Такого рода путаница особенно распространена в современной академической среде, исходящей из совершенного иного, обычно либерального понимания политической реальности. Аксиомой либерального подхода является требование изоляции политическо-го²⁵. Здесь не место обсуждать достоинства либерализма, важно лишь указать, что сам Хайдеггер был противником либеральной теории, толерантной городской культуры и космополитического образа жизни, соответственно, его собственное видение политической реальности было прямо противоположным. Условия чтения текстов Хайдеггера, которые выдвигают некоторые апологеты (например, требование обособить философскую мысль Хайдеггера от его политического ангажемента), основываются на типично либеральной стратегии изоляции политики от других сфер жизни. С получающейся в итоге либеральной интерпретацией сам Хайдеггер никогда бы не согласился. Еще одна специфическая проблема, характерная для той же группы апологетов, — невозможность прямо назвать Хайдеггера нацистом. Хайдеггер был членом национал-социалистической партии с мая 1933 по май 1945 года, позировал на фотографиях с нацистской символикой, вскидывал руку в нацистском приветствии, однако квалификация его как нациста считается неуместной. Поскольку факты бесспорны, объяснения требует лишь само нежелание признать очевидность. Это объяснение

24. Шмитт К. Указ. соч.

25. Ханна Арентд критикует эту позицию в своем эссе о свободе (*Арендт Х. Что такое свобода // Она же. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 226*).

лежит на поверхности: либеральные защитники Хайдеггера справедливо считают, что нацизм — это абсолютное зло, ведь нацисты уничтожили миллионы людей. Назвать Хайдеггера нацистом равносильно тому, чтобы назвать его абсолютным злом, после чего изучение его наследия стало бы для них морально проблематичным. Однако исходная предпосылка этого аргумента совершенно чужда образу мысли самого Хайдеггера, который никогда не был гуманистом не только в теории (см. «Письмо о гуманизме») ²⁶, но в практическом смысле заботы о сохранении человеческой жизни. Он считал, что есть вещи более ужасные, чем организованный немцами холокост, например «нигилизм» послевоенной Германии: «Террор окончательного нигилизма ужаснее, чем любая массовость пыток и концлагерей» ²⁷. Человеческие жертвы не были для Хайдеггера красной чертой, за которую не осмеливается ступить мысль. Он готов пойти дальше и приглашает присоединиться. Когда либеральные апологеты блокируют это опасное движение, отказываясь назвать Хайдеггера нацистом, они всего лишь демонстрируют публике свои собственные благие намерения.

Ясно, что политическое мышление Хайдеггера было ошибочным. Спорить здесь не о чем и, главное, не с кем: в дневниковых записях конца войны Хайдеггер сам признает ошибку (*Irrtum*) своего главного политического действия — «ректора́та» ²⁸. Однако, по его словам, ошибка заключалась не в том, что, в отличие от прочих умников, он не распознал истинной «сути» «Гитлера» (оба слова в кавычках!). Его ошибка была в поспешности. Изменения не могли произойти одним махом, требовался долгий, очень долгий переходный период. По его оценке, к мышлению о бытии можно будет вернуться лет через триста–четыреста. Но выжидать не значило не участвовать, отсидеться в сторонке. Отказ от национал-социалистической революции был также немислим для Хайдеггера в 1945-м, как и в 1933 году.

Это «признание», которого от него тщетно ждут, Хайдеггер делает сразу после войны. Но исповедуется он себе одному, в своем дневнике. Публичным «признание» становится лишь в 2015 году, но даже теперь, выпущенное на свет, оно содержит спасительную ссылку на еще более глубокий слой хайдеггеровской тайны, скрытый от посторонних глаз. В конце «признания» упоминается неопубликованная пока рукопись под названием «Боль», в которой,

26. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

27. *Idem.* Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948). S. 59.

28. *Ibid.* S. 98.

по всей видимости, и даются главные объяснения²⁹. На первый взгляд, это «признание» — неудовлетворительное и имморальное, ведь от Хайдеггера ожидали совсем иного. Тем не менее оно фатально для философской магии Хайдеггера, который культивировал свой образ уникального мыслителя, особенно чувствительного к истории, способного различать сквозь шум времени зов бытия. Признание ошибки доказывает, что у Хайдеггера не было никаких особенных магических способностей, касающихся отношений со временем, бытием, историей. Он такой же, как мы, человек, беспомощный перед открытостью будущего, в отношении которого так же верно: *errare humanum est*. «Новая ясность» возвращает, наконец, словам Хайдеггера полноценное авторство: он сам признал, что это всего лишь его собственная человеческая, слишком человеческая речь, а вовсе не прямая трансляция из тайных недр бытия.

Ясно, что никакое новое откровение не способно больше повредить репутации Хайдеггера-человека. Поэтому сегодня обсуждение «дела Хайдеггера» превратилось в испытание веры. Актуальное развитие хайдеггеровского сюжета уместно совпадает по времени с глобальным наступлением эпохи «постправды» и с локальным рецидивом оголтелой политической пропаганды, способной извратить и смолотить в порошок самые твердые доказательства. В этих условиях любая победа — ложь, и ее празднуют мнимые победители. Тому, кто хочет не потеряться, придется отыскать свой собственный способ бытия в мире, сделать ставку на самое себя, на свое понимание блага. Греки называли подобный поиск своего блага самопознанием. И Платон даже утверждал, что самопознание — вообще единственный надежный ориентир, ведь люди испытывают эротическое стремление к благу и лишь в поиске блага никто не соглашается на ошибку. Осознание запутанности нашей сегодняшней ситуации неожиданно помогает понять, почему все-таки Хайдеггер по-прежнему важен. Дело, конечно, не в том, что кому-либо просто интересно копаться в чужом грязном белье. Причина прямо противоположная: Хайдеггер, пожалуй, дальше других в XX веке продвинулся в создании «своей речи», то есть языка, на котором только и можно вести поиски себя и своего блага. Ради себя, а не чужой грязи ведутся споры. Отсюда все эротические порывы тех, кто бросается на защиту немецкого философа, даже когда уже защищать, казалось бы, некогда или невозможно.

29. Ibidem.

Но вернемся в более невинные времена — к статье Бибихина «Дело Хайдеггера». Владимиру Вениаминовичу не стоило большого труда нейтрализовать известные на тот момент компрометирующие факты. Как благородный победитель, он постарался терпеливо объяснить, почему все-таки Хайдеггер интересен, в чем, собственно, его «дело»:

Дело мысли — найти себя не на своей картине мира, а там, где она, сама плохо понимая зачем, снова и снова, непрерывно и все быстрее рисует, теперь уже только вчерне успевая набросать, все более глобальные картины мира. Она должна разобрать себя за своей картиной мира. Можем ли мы тогда по-честному сказать, что этот разбор, эта деконструкция построек мысли — дело Хайдеггера? Да, он был им занят, но в гораздо более прямом смысле, чем дело Хайдеггера, это *наше* дело. Хайдеггер вместо нас был занят нашим прямым делом³⁰.

Бибихин демонстрирует щедрый пример поистине античной откровенности: после этого каждый, кто занимается Хайдеггером, должен честно признать, что делает это исключительно ради себя. Нет никакой великой и посторонней обязанности мышления, стоящей перед философом, нет никакого специального философского долга изучать мысль Хайдеггера. Философия вообще, похоже, не мыслит, а философ, если и философствует, делает это в первую очередь ради себя. В то же время нетрудно объяснить, почему поиски себя именно через чтение текстов Хайдеггера — это философски оправданное решение. Хайдеггер предлагает читателю научиться особому языку, который в высшей степени способствует поискам «своего». Элементы этого языка встречаются во всех текстах Хайдеггера, однако в нашем распоряжении имеется и недвусмысленная логическая формализация. В лекционном курсе «Логика» 1934 года (это было первое выступление после отставки, и многие пришли просто полюбопытствовать) Хайдеггер представляет слушателям древнюю поэтическую логику, которую он называет «собственной речью» (*eigentliche Sprache*) и решительно противопоставляет тому, что по обыкновению, в науке или в школе, называется «логикой»³¹.

Однако, как сказано в платоновском «Федре», любое заимствованное слово, даже такое волшебное, как хайдеггеровское

30. Бибихин В. Дело Хайдеггера.

31. Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache (Sommersemester 1934) // Gesamtausgabe. Bd. 38.

или библихинское, становится препятствием для самопознания. Оно не просто возвращает нам «собственную речь», но неизбежно привязывает к себе и ставит в зависимость³². Поэтому греческие философы полагали, что выполнение божественной заповеди «познай себя» — задача, которую нельзя переложить на другого. Известной трудностью для многих читателей Хайдеггера оказывается невозможность вести речь о собственном благе за рамками хайдеггеровского словаря. Читатель перестает различать свою собственную речь и хайдеггеровскую «собственную речь». Читателю кажется, что автор высказывает его, *читателя*, сокровенные мысли («Хайдеггер вместо нас... занят нашим прямым делом»). Этот драматический эффект перевоплощения объясняет, почему для многих оказывается столь важно вступить за репутацию другого, за Хайдеггера, ведь с подобной страстью люди защищают только свое собственное.

Однако соскальзывание в кроличью нору на этом этапе для хайдеггеровского читателя только лишь начинается. Новая ясность в «деле Хайдеггера» показывает, что никакие успехи в открытии — или, скорее, переоткрытии — «собственной речи» не уберегли самого Хайдеггера от одной роковой ошибки в самопознании. Как современному читателю кажется простым и невинным смешение своей речи с хайдеггеровской речью («Хайдеггер вместо нас...»), так и сам Хайдеггер иной раз забывал побеспокоиться о том, проведено ли ясное различие между его речью и речью фюрера. Обычному человеку такого рода путаница в самопознании покажется немислимой, но у Хайдеггера была веская причина считать иначе: ведь он гениально понимал фюрера. Так, в первую годовщину победы нацистов на выборах Хайдеггер демонстрирует студентам, собравшимся на лекцию по Платону, поразительный пример философской герменевтики. Он берет на себя смелость толковать, казалось бы, однозначный тезис фюрера: «Революция закончилась, начинается эволюция». Хайдеггер доказывает, что подлинный смысл этого высказывания прямо противоположен буквальному: по сути это призыв к еще более радикальной революции, к «очищению» (*Klärung*) ее завоеваний³³. История показала, что Хайдеггер был абсолютно прав, радикальные преобразования в жизни немецкого государства только еще начинались³⁴. Столь невероятное и точное попадание в мысль вождя до поры

32. Глухов А. Вступление // Платон. Федр. СПб.: РХГА, 2017. С. 23–42.

33. *Idem.* Sein und Wahrheit. S. 211–213.

34. См. главы 11–12 в: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма.

до времени оправдывало склонность философа не проводить различия между своей речью и речью фюрера. Образ вождя оказывается в центре учебных курсов этого периода. Причиной интереса к этой теме нельзя считать просто эстетическую одержимость Гитлером, которая в случае Хайдеггера надежно задокументирована, или — хуже того — желание выслужиться. Думая о вожде, Хайдеггер думал о себе совершенно так же естественно, как современные читатели философа в поисках себя погружаются с головой в тексты Хайдеггера. «Каждый фюрер есть фюрер», — констатирует Хайдеггер через два дня после этого на семинаре, исполняя в этот момент обязанности ректора, что по тогдашнему закону буквально делало его фюрером для фрайбургских студентов. Когда дошли до обсуждения платоновского царя-философа, Хайдеггер объясняет: не нужно понимать это так, будто профессор философии станет рейхсканцлером; напротив, вожди государства обязаны быть философами³⁵. Себя Хайдеггер не считал рядовым профессором, а свои лекции — обычными учебными курсами:

У нас нет ни желания, досуга или необходимости разбирать какие-то теории истины. Нам интересно только деятельное постижение того мирового момента, в который вступил дух этой земли. Все прочее — это потеря времени³⁶.

Хайдеггер, не просто профессор, претендовал на мышление, свойственное вождю рейха, суверену исторической эпохи. Порой его действительно осеяли невероятные герменевтические прозрения. В итоге Гитлер все-таки «обманул» ожидания Хайдеггера, сделав ставку на техническое освоение реальности. Но не точнее ли сказать, что это сам Хайдеггер обманул себя, фатально запоздав с тем, чтобы провести различие между своей речью и чужой речью?

Как в принципе возможен столь полный переворот? В начале национал-социалистической революции Хайдеггер — это вызывающе уверенный в себе энтузиаст нового режима, суверенно читающий шум времени, блестяще толкующий речь вождя, — и вдруг неловкое «обманул», «ошибка», «поторопился». Согласно «Поэтике» Аристотеля, ошибка — это характерная черта всякого трагического героя. В момент трагического переворота, перипетии, ошибка сказывается, становится очевидной. Так входит в мир, переворачивая все вверх дном, трагическая истина,

35. Ibid. S. 194.

36. Ibid. S. 120.

силу которой признавали греки, но мимо которой проходит Хайдеггер, когда изобретает свое учение о поэтической истине, «непотаянности», якобы первенствовавшей у досократиков.

Трагическое понимание истины проясняет ошибку Хайдеггера, а также ошибку тех, кто ищет собственное в его текстах. В начале софокловой «Антигоны» Креонт — полновластный правитель Фив, Антигона — изгой. В конце трагедии Креонт морально уничтожен, потерял семью и царство, Антигона погибла, но одержала нравственную победу. Что есть истина? То, что сохраняется и познается в радикальной перипетии, когда все парные отношения господства и подчинения, своего и чужого и т. д. выворачиваются наизнанку. У трагиков такой спасительной истиной была мудрость хора. Платон, в юности пробовавший себя в роли трагика, и в старости понимал свою философию как высшую форму трагического искусства³⁷. Поэтому в свете именно трагической истины он потребовал определить справедливость в книге II «Государства», где сравнивается жизнь человека справедливого, которого все считают несправедливым, и жизнь человека несправедливого, которого все считают справедливым. В свете именно трагической истины он отвечает на это требование в этом сочинении, в том числе в символе пещеры, в котором Хайдеггер вычитывает только предательство истины-непотаянности в пользу истины-правильности³⁸.

Перемена, случившаяся с Хайдеггером, — типичная трагическая перипетия, поменявшая местами свое и чужое. В начале революции Хайдеггер пребывал в уверенности, что чувствует историю, что речь вождя — это его речь, что национал-социализм — движение победителей, что немецкий народ — не толпа, но после войны все оказалось перевернутым вверх дном. Хайдеггер — трагический персонаж: не потому, что его собственная биография особенно трагична и вызывает сочувствие, но потому, что он, как типичный персонаж трагедии, испытал перипетию. В этом смысле он мало чем отличается от Креонта, которому мало кто сопереживает. Хайдеггер выделяется как современный тип трагического героя, характерной ошибкой которого стал философский промах с концепцией истины. Но хайдеггеровская ошибка не вполне уникальна: повторить ее рискуют все те, кто, полагаясь

37. См.: Платон. Законы (817b) // Соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 321.

38. На тему трагической истины у Платона мной готовится отдельная публикация, в которой все эти моменты предполагается рассмотреть подробно.

на его введение в «свою речь», забывают провести различие между своей речью и речью Хайдеггера.

Ясно, тем не менее, что факты — это единственное, что все еще сохраняет скромный потенциал новизны в деле Хайдеггера. Новые факты по-прежнему интересны, новые интерпретации — уже нет. Знаменитый тезис Делёза — Ницше «нет фактов, только интерпретации» в свете «новой ясности» приходится перевернуть: «интересных интерпретаций больше не будет, значимы лишь новые факты». В том числе из уважения к этим двум великим и свободным умам необходимо объяснить причины такого переворачивания.

Сегодня мы располагаем богатым набором интерпретаций политической биографии Хайдеггера. Известны тексты Пьера Бурдьё, Жан-Франсуа Лиотара, а также многие другие, возникшие позже в ответ на скандальную публикацию Виктора Фариаса³⁹. Не все толкования были апологетическими, часть из них была беспощадной: например, «Бытие и время» уже давно предлагалось читать как протонацистский текст. Однако самих фактов — не анекдотов, а общедоступных сведений — раньше было все-таки меньше, чем сегодня.

Что меняет введение новых фактов в общее пользование? Ничто, разумеется, не способно опередить полет фантазии, поэтому появление новых фактов не ведет непременно к появлению новых радикальных интерпретаций, в этом смысле наши ожидания неоправданны. Однако установление новых фактов позволяет отсеять некоторые версии. Тот вышеупомянутый факт, что еще в 1931 году Хайдеггер вел пропаганду нацизма среди родственников, позволяет проститься с предположениями, согласно которым он вступил в партию случайно или только по карьерным соображениям. В результате исключаются версии, в которых весь ректорский эпизод представляется как нечто случайное в контексте его биографии. Вероятно, теперь мы будем в состоянии предложить более полный контекст для понимания слова «политика» (в кавычках) на странице 16 или абзаца про «исторический путь» народа в 74-м параграфе «Бытия и времени», но, конечно, мы не сможем предложить более радикальную интерпретацию по сравнению с той, которая сразу, до выяснения фактов, объявляла «Бытие и время»

39. Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с фр. А. Бикбова, Т. Анисимовой. М.: Праксис, 2003; Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи» / Пер. с фр., послесл. и прим. В. Лапицкого. СПб.: Аксиома, 2001; Fariás V. Heidegger et le Nazisme. P.: Verdier, 1987.

протонацистским текстом. Кроме того, установление новых фактов, поскольку они создаются всегда лишь совместным усилием, преследует более абстрактную, но не менее важную цель, являясь частью открытого проекта по созданию общего языка, на котором только и можно о чем-то договориться в рамках нашего сообщества. Итак, факты значимы, они значимы прежде всего для «нас».

Теперь про интерпретации. Не последний философ XX века Жан-Поль Сартр, который имел смелость считать себя учеником Хайдеггера, представил свою интерпретацию его мысли, однако немецкий мастер ее отверг, обвинив француза в непонимании. Если фактов нам недостаточно и мы жаждем интерпретаций, то какая из них будет самой удачной? Объективного критерия быть не может — и в этом все дело, если мы, конечно, понимаем «интерпретацию» в духе Делёза и Ницше. Успех интерпретации не в согласии с фактами, а в бегстве из тюрьмы фактов. Интерпретация — это всегда манифестация активной силы. Интерпретация — это не всегда плохо, а факты — не всегда хорошо. В отличие от фактов, на которых держится общее, интерпретации — единственный путь к своему, уникальному, несравнимому. Интерпретации сочиняются на своем языке. Предлагаемый мной выбор в пользу фактов не идеологический, а конъюнктурный. Он определяется моментом реальности, «сейчас», в котором мы живем. В этой реальности «сейчас» почти не существует «мы», нет сообщества, нет общего языка, а самые девиантные, взрывающие общность интерпретации порождаются отнюдь не философами, а политиками. Как и в 1930-е годы, сегодня в их распоряжении достаточные ресурсы, чтобы избежать тюрьмы неудобных фактов и изолировать от общего мира целые континенты.

Ясно, что вопрос о приоритетной и образцовой интерпретации в случае философии Хайдеггера давно решен, обсуждать же менее радикальные девиации не имеет смысла. Если ориентироваться на то, чья интерпретация была наиболее радикальной в своем последовательном отказе от привычной реальности и при этом максимально удовлетворяла самого Хайдеггера, следует признать, что такую интерпретацию предложили не философы и историки, но политик Адольф Гитлер.

Ясно, что существует только одна событийная рамка для понимания текстов Хайдеггера, которую благословил сам философ, — это немецкий национал-социализм. Хайдеггер досадовал на своих французских поклонников, обижался на Гитлера. Но обвинение в предательстве мысли он адресует только послевоенной администрации, уволившей его из университета. При нацистах

его карьера сложилась, возможно, не так успешно, как он рассчитывал, но во всяком случае ни развязанная ими война, ни массовые убийства не стали для него поводом для обвинения их в предательстве философии.

Ясно, что спасти мысль Хайдеггера можно только в режиме трагической истины, окончательно приравняв Хайдеггера и Гитлера. Это не должно стать сюрпризом для тех, кто разделяет хайдеггеровское благоговение перед строками Фридриха Гёльдерлина: «Но где опасность, там вырастает / И спасительное»⁴⁰. Чтобы найти выход из апории, в которой оказалась философия в «деле Хайдеггера», необходимо подойти к самому краю пропасти, ибо все обходные тропы ведут к трусости и предательству. Где спасительное, там прежде нужно взрастить опасность.

Спасительность Хайдеггера — в даре «собственной речи», поэтому нужно увидеть опасность своего языка. Своя речь исключает речь чужого, незнакомого, постороннего человека, для переговоров с которым необходимо найти общий язык. Все три известные разновидности общего языка — научная, договорная, трансцендентальная — были отвергнуты не только Хайдеггером, но и его учениками. Здесь важно то, что Хайдеггер не просто считал общий язык бесполезной затеей. Его постоянной темой было то, что общий язык губителен. Иными словами, отношение к общему языку у Хайдеггера всегда было политическим. Начиная с ранних лекций и заканчивая известнейшими поздними текстами, в которых он предстает в роли безмятежного мудреца, любимца муз и поэтов, общий язык остается главной мишенью его критики. Главным наследием и одновременно ошибкой Хайдеггера было учение, согласно которому своя речь и общая речь вступают в неизбежный конфликт, составляющий суть мировой истории⁴¹. Современную эпоху он трактовал как напор общей речи, подавляющей слабые ростки своего, свидетельствующий о «конце философии». Укрепление своего в этой логике предполагает ликвидацию общего и всего, что держится на общей основе, например справедливости, понимаемой в смысле заботы о благе другого, или принципа верховенства права. Хайдеггер не уничтожил чужих, но сделал все, чтобы уничтожить логические препятствия, запрещавшие это делать. Апологеты убеждены, что здесь проходит важная черта в рассмотрении «дела Хайдеггера». Действитель-

40. Хайдеггер М. Время и бытие. С. 238.

41. Так Хайдеггер понимает ницшевскую метафору борьбы дионисийского и аполлонического начал (*Heidegger M. Sein und Wahrheit*).

но, в нормальных условиях аномально сразу заподозривать худшее. Но если Хайдеггер что-либо и доказал, так это то, что философия чужаётся усредненности. Мерить Хайдеггера масштабом *das Man* и судить его «по-людски» — значит предавать философию. Подлинное философское равенство устанавливается не между Хайдеггером и банальным Эйхманом, а между Хайдеггером и аномальным Гитлером. Последний тоже, по крайней мере после прихода к власти, уничтожал людей не самолично, но отдавая приказы, то есть посредством логоса. Но дело Хайдеггера сводится именно к этой точке — к убийственной несправедливости суверенной речи. Все более мелкие нюансы пусть останутся на пропитание тем, кто не желает высвобождения философии из глубин исторического архива.

Рене Декарт дал прекрасный пример аномального философствования, отказавшись от обыденной толики недоверия в пользу гиперболического сомнения. Оценив картезиево безумие, Жак Деррида предложил понимать философию как желание-высказать-гиперболическое-демоническое⁴². В «деле Хайдеггера» гиперболическое-демоническое давно заждалось быть высказанным. Отождествление Хайдеггера и Гитлера — это финальная философская ясность, выставляющая на всеобщее обозрение трагическую ошибку, которая, наконец, говоря все, сказывается. Всякому читателю Хайдеггера бесполезно хотя бы к перипетии своей земной жизни оказаться в сумрачном лесу, выращенном «злокозненным гением»⁴³, где верным спутником и проводником в деле самопознания наймется не божественный Бибахин, а евразийский националист Александр Дугин.

Хайдеггер потребовал от читателя подыграть ему в герменевтический футбол, когда отождествил в акте самоуничтожения «еврейство» (в кавычках) и еврейство (без кавычек). Provocative сентенция была составлена не без тонкости. Автор рассчитывал на читателя, способного оценить тонкую игру кавычек, ведущую к элегантно, ожидаемой, но в то же время ускользающей автореференции главного означающего. Он был недоволен, что лишь немногие способны к достижениям на должном спортивном уровне. Его досада на бездарных читателей прорывается в тексте личного дневника: «Примечание для ослов: это выска-

42. Деррида Ж. Когито и история безумия // Он же. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 97.

43. Декарт Р. Размышления о первой философии, I // Соч.: В 2 т. М.: Рипол Классик, 1989.

зывание не имеет никакого отношения к антисемитизму»⁴⁴. Хайдеггер и здесь прав: никакое «анти» уже немислимо за пределами правил обычной логики, за пределами «общего языка», после того как выяснилось, что все бинарные оппозиции могут быть опрокинуты. Это режим чтения своих текстов задает сам Хайдеггер. В качестве порогового условия для доступа к своей мысли он называет способность отождествить «еврейство» (в кавычках) и еврейство (без кавычек), палача и жертву, нациста⁴⁵ и еврея, Креонта и Антигону. Таким образом, без ведома Хайдеггера в его рассуждениях правит трагическая истина. Чтобы выполнить условие безусловно, честному читателю, ищущему себя в текстах Хайдеггера, остается сделать заключительный шаг, утвердить финальное равенство в ряду нормализованных оппозиций, переставив свое и чужое, свою речь и свою речь Хайдеггера, но значит также речь Хайдеггера и речь Гитлера. Ища себя в спасительной речи Хайдеггера, опасаться найти себя в речи Гитлера. Читая тексты Библихи, ожидать пробуждения во сне Дугина.

Континентальная философия сегодня — это радикальный режим истины, который описывается формулой «Хайдеггер равно Гитлер». И то, что философия после Хайдеггера не решается выдержать до конца трагическое равенство, довольствуясь компромиссами и намеками вроде «серой зоны неразличимости»⁴⁶, свидетельствует о том, что в центре философского предприятия уцелела главная тайна мысли, к которой опасаются подступить-

44. *Idem.* Anmerkungen I–V. S. 159.

45. Если, конечно, придерживаться самой «благоприятной» для Хайдеггера трактовки этого высказывания, согласно которой «еврейство» (в кавычках) — это якобы созданный не без помощи евреев технический мир модерна, частью которого является в том числе машинерия немецких концлагерей. Разумеется, нельзя исключать толкование, согласно которому «евреи» (в кавычках) — это просто либералы и марксисты, агенты модерна, враги немецкого рейха, развязавшие мировую войну и тем самым несущие ответственность за гибель простых евреев. Примеры подобной логики сегодня слишком распространены.

46. Жиль Делёз неявно опирается на трагическое понимание истины, когда описывает свойственное всем концептам перипетийное переворачивание оппозиций: «Но, может быть, вообще во всех концептах содержится та серая зона неразличимости, где борцы на миг сливаются на фоне земли и утомленный взгляд мыслителя может принять одного за другого — не только немца за грека, но и фашиста за творца свободы и экзистенции» (*Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. С. 127*). Поскольку у концептов пористые границы, серая зона распространяется на весь мир.

ся, ибо в случае неудачи диковинки послевоенной теории станут пустышками.

На поверхностный взгляд, формула «Хайдеггер равно Гитлер» может показаться обычной уловкой *reductio ad Hitlerum*, практикуемой на просторах Всемирной паутины в бессмысленных спорах. Посредством этой уловки ловкий интернет-троль способен похоронить обсуждение любой темы всего за несколько реплик. После Второй мировой войны этот термин ввел в обращение блистательный и загадочный Лео Штраус, бывший ученик Хайдеггера и протеже Карла Шмитта. В книге «Естественное право и история» Штраус посчитал нужным добавить следующий комментарий к своему утверждению, что позиция Макса Вебера близка к нигилизму:

Следуя за ходом мысли [Вебера] к ее завершению, мы неминуемо достигнем той точки, за которой сцена омрачается тенью Гитлера. ... в нашем исследовании мы должны избежать заблуждения, которое в последние десятилетия часто употреблялось в качестве подмены *reductio ad absurdum* — *reductio ad Hitlerum*. Никакая точка зрения не отвергается из-за того факта, что ее, как оказалось, разделял Гитлер⁴⁷.

В частности, нельзя с порога отвергать позицию Вебера, даже если она действительно ведет к нигилизму, определяемому Штраусом как точка зрения, согласно которой

... каждое предпочтение, каким бы оно ни было злым, порочным или безумным, должно быть признанным перед судом разума столь же законным, как и любые другие предпочтения⁴⁸.

Лео Штраус прославился своими штудиями классиков, и применение классических терминов помогает показать, почему предлагаемая мной формула «Хайдеггер равно Гитлер» не имеет отношения к уловке *reductio ad Hitlerum*. В классической политической философии справедливость определяется как чужое благо, в отличие от своего блага, к которому стремится не только каждый человек, но и вообще всё в мире⁴⁹. В этом смысле никому и ничему невозможно отказать в стремлении к своему благу, в том числе

47. Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. С. 46.

48. Там же. С. 45.

49. Об этом сообщает Аристотель в первом же абзаце «Никомаховой этики»; о справедливости как чужом благе говорится в V книге того же сочинения и в начале II книги «Государства» Платона.

и Хайдеггеру с Гитлером. По сравнению с этой классической ясностью приводимое Штраусом определение нигилизма уже содержит в себе новоевропейскую путаницу между собственным благом и моральным благом, в свете которого только и можно посчитать злым чье-либо предпочтение (то есть благо). Чувствительный к таким вещам Ницше усмотрел бы здесь смешение языка греческой философии с языком новоевропейского морализма⁵⁰.

Следует особенно подчеркнуть этот важный и непростой момент: каким бы безумием ни представлялось нацистское понимание своего блага, само по себе это еще не повод для возражения, потому что вопрос о своем благе отличается от вопроса о справедливости, понимаемой как благо другого. Ни Гитлер, ни Хайдеггер не могут быть судимы только за то, что стремились к своему благу. В классической философии такое стремление признается универсальным, а мы можем добавить из нашего опыта, что универсальна и ситуация, когда чье-либо свое благо вызывает стойкое отвращение у многих других. Стремление гей-сообщества к своему образу жизни способно вызвать ровно тот же набор эмоций в диапазоне от насмешек до желания уничтожить, как и арийская утопия нацистов. В отношении своего блага всегда соперничают две перспективы: взгляд изнутри и взгляд извне. Взгляд изнутри всегда рисует свое благо прекрасным, а взгляд извне — отвратительным. Эта политическая эстетика не подчиняется формальным критериям⁵¹. В смысле своего блага политическая реальность всегда распадается на «тысячи плато», обособленные от общего мира пограничными линиями прекрасного и отвратительного. Хайдеггер находил Гитлера эстетически прекрасным. В мае 1933 года, пытаясь избежать открытой конфронтации с Ясперсом по пово-

50. Ницше Ф. К генеалогии морали // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2005–2013. Т. 5. 2012.

51. Так, хорошо запомнились две конкурирующие визуализации протестной волны 2011–2012 годов. В оппозиционной среде циркулировали фотографии, на которых молодые, оптимистично настроенные люди приветливо улыбались в камеру. Неофициальным лозунгом этой передвижной выставки стал повторяющийся слоган: «Вы только посмотрите на эти прекрасные лица!» Серьезный расчет делался на то, что одних фотографий будет достаточно, чтобы убедить сомневающихся и недоверчивых в благородных целях выступлений. Но все эти образы убеждали лишь тех, кто и так сопереживал протестующим. Неприятным отрезвляющим открытием стало то, что многие из тех, кто не нашел себя на этих фотографиях, — простые, «некрасивые» люди, представители старшего поколения либо малообразованных групп — не только не увидели в них ничего прекрасного, но, напротив, сочли их угрозой для собственного образа жизни.

ду фюрера, Хайдеггер выговаривает в итоге нечто даже более откровенное: «Вы только посмотрите, какие у него чудесные руки!»⁵² После этого случая отношения бывших друзей-философов непоправимо испортились: обсуждать было больше нечего, между ними пролегла непреодолимая граница прекрасного и отвратительного. К этой границе греческие философы были весьма чувствительны. Справедливость «прекрасного полиса» в платоновском «Государстве» строится на взаимном обособлении разных пониманий своего блага, переходы между которыми эстетически невозможны⁵³. Исключительное стремление к самопознанию, на взгляд постороннего, всегда кажется отвратительным. К этому сводится эстетический парадокс Сократа — внутренне прекрасного философа и одновременно комической фигуры, уродливого силаена, безбожника, растлителя малолетних.

Хайдеггер с Гитлером находились по одну сторону этой важнейшей политико-эстетической границы, обособляющей свое благо от всего остального. Это не совсем то же самое, что сказать, что Хайдеггер разделял взгляды Гитлера. «Взгляды», то есть статичные бинарные высказывания по определенным вопросам, оказываются слишком медленными характеристиками, не успевающими за политикой нового типа. Уловка *reductio ad Hitlerum* сводится к аргументу: «Пусть p — некоторое высказывание. Хайдеггер считал, что p , Гитлер считал, что p , следовательно, p — это нацизм». Ясно, почему это умозаключение является всего лишь уловкой: оно противоречит правилам вывода. Если первую часть моего аргумента представить по аналогии с этим неверным умозаключением, мой вывод будет иным и логически корректным:

Хайдеггер стремился к своему благу, Гитлер стремился к своему благу, но отсюда вовсе не следует, что стремление к своему благу — это нацизм, ведь стремление к своему благу свойственно всему в мире.

Отвращение к нацистской эстетике не может быть политическим аргументом против нее, как не могут служить возражением против соответствующих образов жизни приступы отвращения к коммунистической, гомосексуальной или религиозной эстетике.

52. *Fariás V.* Op. cit. P. 118.

53. Глухов А. Перехлест волны: Политическая логика Платона и постнищенское преодоление платонизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 372–373.

Итак, первая часть моего аргумента предполагает явный отказ от *reductio ad Hitlerum*, ведь иначе возникает нелепый вывод, будто всякое стремление к своему благу преступно или греховно. Этот вывод был совершенно чужд классической философии, которая считала своей главной задачей показать, что самопознание — дело всякого человека, причем стремление к своему необязательно входит в противоречие с понятием справедливости⁵⁴. Представления о своем благе у Хайдеггера и Гитлера могли совпадать или не совпадать, но это совершенно неважно для вынесения политического суждения, ведь вопрос о своем благе не имеет прямого отношения к вопросу о справедливости, понимаемой как чужое благо. Поэтому вторая часть моего аргумента звучит следующим образом:

Согласно классическому определению, тираном называется тот, чье стремление к своему благу предполагает истину q , где q — это отнюдь не любое, а вполне конкретное убеждение, будто свое благо для меня достижимо лишь за счет чужого и общего, поскольку общее состоит из чужого и своего. Хайдеггер считал, что q , Гитлер считал, что q , поэтому Хайдеггер — тиран и Гитлер — тиран, и в этом смысле они равны друг другу.

«Гитлер» в формуле «Хайдеггер равно Гитлер» — это ставшее нарицательным имя образцового тирана. Вместо имени «Гитлер» в этой формуле можно использовать любое другое значимое имя: «Сталин», «Критий» или «Дионисий Старший», однако имя «Гитлер» имеет то неоспоримое преимущество, что оно отвечало эстетическим предпочтениям самого Хайдеггера.

В «Государстве» Платон решает для себя свою собственную биографическую проблему — как не стать Критием. Критий был его ближайшим родственником и одним из самых ненавистных тиранов античности, печально прославившимся убийствами во время гражданской смуты в Афинах. Для человека с амбициями Платона выход оставался только один: чтобы не стать тираном Критием, необходимо было стать Сократом-философом. Платон описывает образцового тирана как человека, чье стремление к своему благу непременно заканчивается людоедством, ведь иное понимание своего, кроме отрицания чужого, остается тирану неизвестным. Напротив, философ определяется как тот, кому доступно чистое наслаждение своим собственным без пося-

54. Там же. С. 230–231.

гательств на чужое и общее⁵⁵. В этом смысле формула «Хайдеггер равно Гитлер» значит не что иное, как «тиран есть тиран». Будучи тираном, Хайдеггер не может быть философом, если смотреть на вещи с классической прямоотой. Платон доводит свое рассуждение до гиперболической ясности: тирания и философия — два наиболее далеких друг от друга образа жизни, все прочие располагаются между ними. Их требуется развести столь радикально, потому что они имели общий исток — стремление к своему. Но, помимо этого, между ними нет никакого сходства, потому что философия ставит и решает вопрос о справедливости.

Философия и тирания — не просто одна из бинарных оппозиций, с которыми развлекается божество. Чтобы понять, чем отличается философия, если судить о ней в режиме трагической истины, придется сообразить, что происходит с тиранией и философией в революционный момент смещения любых идеологических раскладов. Тирания сокрушает себя, ведь свое для нее состояло в уничтожении чужого, а теперь свое и чужое поменялись местами. И только философия укрепляет себя в роковом испытании, не претерпевая никакого ущерба, ведь, стремясь к своему, она спасала место чужому. Философия есть то, что сохраняется в перипетии. Это единственный доступный для смертных образ выживания в той драме истории, которую разыгрывают бессмертные.

Библиография

- Bendersky J. Schmitt's Diaries // *The Oxford Handbook of Carl Schmitt* / J. Meierhenrich, O. Simons (eds). Corby: Oxford University Press, 2017. P. 117–146.
- Fariás V. Heidegger and Nazism / P. Burrell, G. R. Ricci (trans.). Philadelphia: Temple University Press, 1989.
- Faye E. Heidegger — l'introduction du nazisme dans la philosophie. P.: Albin Michel, 2005.
- Heidegger M. Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948) // *Idem. Gesamtausgabe*. Fr.a.M.: Klostermann, 2015. Bd. 97.
- Heidegger M. Einführung in die Metaphysik (Sommersemester 1935) // *Idem. Gesamtausgabe*. Fr.a.M.: Klostermann, 1983. Bd. 40.
- Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache (Sommersemester 1934) // *Idem. Gesamtausgabe*. Fr.a.M.: Klostermann, 1998. Bd. 38.
- Heidegger M. Nature, History, State: 1933–1934. L.: A&C Black, 2013.
- Heidegger M. Sein und Wahrheit / 1. Die Grundfrage der Philosophie (Sommersemester 1933), 2. Vom Wesen der Wahrheit (Wintersemester 1933/34) // *Idem. Gesamtausgabe*. Fr.a.M.: Klostermann, 2001. Bd. 36/37.
- Heidegger M. Seminare: Hegel — Schelling / P. Trawny (Hg.) // *Idem. Gesamtausgabe*. Fr.a.M.: Klostermann, 2011. Bd. 86.

55. Там же. С. 408–410.

- Heidegger M. Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2014. Bd. 94.
- Heidegger M. Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938–1939) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2014. Bd. 95.
- Heidegger M. Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2014. Bd. 96.
- Heidegger und der Antisemitismus. Positionen im Widerstreit / W. Homolka, A. Heidegger (Hg.). Freiburg: Herder, 2016.
- Heidegger-Jahrbuch 4: Heidegger und der Nationalsozialismus I / A. Denker, H. Zabrowski (Hg.). Freiburg; München: Karl Alber, 2010.
- Soboczynski A., Cammann A. Martin Heidegger: Ein moralisches Desaster // Die Zeit. 12.10.2016. URL: <http://zeit.de/kultur/literatur/2016-10/martin-heidegger-briefe-antisemitismus>.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Арендт Х. Что такое свобода // Она же. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 217–258.
- Бибихин В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 3–14.
- Бибихин В. Хайдеггер // Знание — сила. 1989. № 10. С. 60–68. URL: <http://bibikhin.ru/haydegger>.
- Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с фр. А. Бикбова, Т. Анисимовой. М.: Праксис, 2003.
- Глухов А. Вступление // Платон. Федр. СПб.: РХГА, 2017. С. 23–42.
- Глухов А. Перехлест волны: Политическая логика Платона и постнищенское преодоление платонизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Декарт Р. Размышления о первой философии, I // Он же. Соч.: В 2 тт. М.: Рипол Классик, 1989.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, 1998.
- Деррида Ж. Когито и история безумия // Он же. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 54–104.
- Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». СПб.: Machina, 2014.
- Ницше Ф. К генеалогии морали // Он же. Полн. собр. соч.: В 13 тт. М.: Культурная революция, 2005–2013. Т. 5. 2012.
- Платон. Законы // Он же. Соч.: В 4 тт. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 3. Ч. 2.
- Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις. Аристотель «Физика» β-1. М.: Медиум, 1995.
- Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.
- Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
- Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007.

PHILOSOPHICAL CLARITY: HEIDEGGER EQUALS HITLER

ALEXEI GLOUKHOV. Associate Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, agloukhov@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow 105066, Russia.

Keywords: Martin Heidegger; Adolf Hitler; Nazism; philosophy; tragedy; tyranny; proper language; self-knowledge.

Publications over the last fifteen years, including Heidegger's so-called *Black Notebooks*, his lectures and seminars from 1933–1935, and letters to his brother necessitate a reappraisal of the “Heidegger case.” New clarity has been reached regarding the significance of the “political” for his philosophy, his place in the intellectual avant-garde of the National-Socialist movement and, finally, the meaning of his “confession” of historical error. The remaining ambiguities persist due to the radical difference between the usual conception of a normal political reality that is shared by his critics and defenders alike and the style of thinking which was typical for that earlier historical period. Our accustomed static interpretation of events with its focus on the formal, ideological, or institutional elements of a normal political process must be distinguished from a dynamic interpretation of the “political.”

Interest in Heidegger's legacy is warranted because he provides his readers with a logic of “proper language” which opens a path to self-knowledge. The price to be paid for this benefit is that readers lose the distinction between their own language and Heidegger's. Heidegger committed a similar error himself when he was negligent about distinguishing his language from Hitler's. The conceptual convergence of Heidegger and Hitler serves as a warning about the danger in the kind of salvation Heidegger's language provides to his readers in their pursuit of self-knowledge. The claim that in some respects “Heidegger equals Hitler” is not equivalent to the simple fallacy of a *reductio ad Hitlerum*. Further clarification of the relationship between thought and tyranny requires a return to classical political philosophy with its distinction between “proper language” and “common language” and to a tragic conception of truth derived from instances of *peripeteia* in which binary oppositions are reversed.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-3-91-117

References

- Arendt H. Chto takoe svoboda [What Is Freedom?]. *Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* [Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought] (trans. D. Aronson), Moscow, Gaidar Institute Press, 2014, pp. 217–258.
- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, TsentrKom, 1996.
- Bendersky J. Schmitt's Diaries. *The Oxford Handbook of Carl Schmitt* (eds J. Meierhenrich, O. Simons), Corby, Oxford University Press, 2017, pp. 117–146.
- Bibikhin V. Delo Khaideggera [Heidegger's Deed]. In: Heidegger M. *Vremia i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1993, pp. 3–14.
- Bibikhin V. Khaidegger [Heidegger]. *Znanie — sila* [Knowledge is Power], 1989, no. 10, pp. 60–68. Available at: <http://bibikhin.ru/haydegger>.

- Bourdieu P. *Politicheskaiia ontologiia Martina Khaideggera* [L'ontologie politique de Martin Heidegger] (trans. A. Bikbov, T. Anisimova), Moscow, Praksis, 2003.
- Deleuze G., Guattari F. *Ch'to takoe filosofii?* [Qu'est-ce que la philosophie?], Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii, 1998.
- Derrida J. Kogito i istoriia bezumiia [Cogito et histoire de la folie]. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence], Moscow, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 54–104.
- Descartes R. Razmyshleniia o pervoi filosofii, I [Meditationes de prima philosophia, I]. *Soch.: V 2 tt.* [Works: In 2 vols], Moscow, Ripol Klassik, 1989.
- Fariás V. *Heidegger and Nazism* (trans. P. Burrell, G. R. Ricci), Philadelphia, Temple University Press, 1989.
- Faye E. *Heidegger — l'introduction du nazisme dans la philosophie*, Paris, Albin Michel, 2005.
- Gloukhov A. *Perekhlest volny: Politicheskaiia logika Platona i postnitsheanskoe preodolenie platonizma* [Overlapping Waves. Political Logic of Plato and the Post-Nietzschean Overcoming of Platonism], Moscow, HSE Publishing House, 2014.
- Gloukhov A. Vstuplenie [Foreword]. In: Plato. *Fedr* [Phaedrus], Saint Petersburg, RKhGA, 2017, pp. 23–42.
- Heidegger M. Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2015, Bd. 97.
- Heidegger M. Einführung in die Metaphysik (Sommersemester 1935). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 1983, Bd. 40.
- Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache (Sommersemester 1934) // *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 1998, Bd. 38.
- Heidegger M. *Nature, History, State: 1933–1934*, London, A&C Black, 2013.
- Heidegger M. *O sushchestve i poniatii φύσις. Aristotel' "Fizika" β-1* [Vom Wesen und Begriff der Φύσις. Aristoteles, Physik B 1], Moscow, Medium, 1995.
- Heidegger M. *Razmyshleniia II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938)] (trans. A. B. Grigor'ev, ed. M. Maiatsky), Moscow, Gaidar Institute Press, 2016.
- Heidegger M. *Razmyshleniia VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938–1939)] (trans. A. B. Grigor'ev, ed. M. Maiatsky), Moscow, Gaidar Institute Press, 2018.
- Heidegger M. Sein und Wahrheit / 1. Die Grundfrage der Philosophie (Sommersemester 1933), 2. Vom Wesen der Wahrheit (Wintersemester 1933/34). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2001, Bd. 36/37.
- Heidegger M. Seminare: Hegel — Schelling (Hg. P. Trawny). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2011, Bd. 86.
- Heidegger M. Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2014, Bd. 94.
- Heidegger M. Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938–1939). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2014, Bd. 95.
- Heidegger M. Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Main, Klostermann, 2014, Bd. 96.
- Heidegger M. *Vremia i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1993.
- Heidegger und der Antisemitismus. *Positionen im Widerstreit* (Hg. W. Homolka, A. Heidegger), Freiburg, Herder, 2016.
- Heidegger-Jahrbuch 4: *Heidegger und der Nationalsozialismus I* (Hg. A. Denker, H. Zaborowski), Freiburg, München, Karl Alber, 2010.

- Lyotard J.-F. *Khaidegger i "evrei"* [Heidegger et les "juifs"], Saint Petersburg, Machina, 2014.
- Nietzsche F. *K genealogii morali* [Zur Genealogie der Moral]. *Poln. sobr. soch.: V 13 tt.* [Complete Set of Works: In 13 vols], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2005–2013, vol. 5.
- Plato. *Zakony* [Laws]. *Soch.: V 4 tt.* [Works: In 4 vols] (eds A. F. Losev, V. F. Asmus), Saint Petersburg, SPbGU, 2007, vol. 3, p. 2.
- Schmitt C. *Poniatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen], Saint Petersburg, Nauka, 2016.
- Soboczynski A., Cammann A. Martin Heidegger: Ein moralisches Desaster. *Die Zeit*, October 12, 2016. Available at: <http://zeit.de/kultur/literatur/2016-10/martin-heidegger-briefe-antisemitismus>.
- Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriia* [Natural Right and History], Moscow, Vodolei, 2007.